

Ирина Ордынская

С МАТРОНУШКОЙ

Роман-притча

Ирина Ордынская

С Матронушкой. Роман-притча

«Вольный странник»

2021

Ордынская И. Н.

С Матронушкой. Роман-притча / И. Н. Ордынская — «Вольный странник», 2021

ISBN 978-5-00178-068-7

Роман-притча «С Матронушкой» рассказывает о святой блаженной Матроне Московской, чьи молитвы к Господу для страждущих становятся последней надеждой, когда другой помощи и поддержки, кроме Божией, у человека не остается. Книга повествует о людях, которые, столкнувшись с болью и несчастьями, благодаря блаженной Матронушке смогли жить дальше; о тех, кто мужественно борется с несчастьями – и верой побеждает мир.

ISBN 978-5-00178-068-7

© Ордынская И. Н., 2021

© Вольный странник, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ирина Николаевна Ордынская **С Матронушкой**

ИРИНА ОРДЫНСКАЯ

С МАТРОНУШКОЙ

РОМАН-ПРИТЧА

© Ордынская И.Н., 2021

© Оформление ООО «Вольный Странник», 2021

Глава 1

В самом конце ночи перед рассветом в Москву пришел дым, его принес ветер с юго-востока. Когда люди засыпали теплым июльским вечером, воздух был чистым, они беспечно оставили открытыми окна в своих квартирах. К утру город изменился: едкая, тошнотворная гарь заползала в него постепенно, повисала на улицах туманом, в котором скрывались друг от друга дома. Люди, разбуженные едким запахом дыма, бросились закрывать окна, но было уже поздно – воздух в квартирах заразился зловонием, прилетевшим из далеких горящих лесов.

Москвичи запаниковали, начали звонить друг другу, смотреть новости по телевизору и интернету. Они боялись одного, чтобы не повторилась снова прошлогодняя напасть – когда пожары, бушевавшие вокруг столицы, скрыли ее в плотном дыму. В то страшное лето в молочной пелене исчезли из вида целые кварталы, пешеходы не видели машин, водители дорог, дым проник в метро – поезда будто состояли из двух видимых вагонов, остальные прятались в тумане.

Дух пожаров казался проклятием целого столичного лета. Окна в квартирах перепуганные хозяйки завешивали мокрыми простынями, что мало помогало, запах серы изошренно только ему одному ведомыми путями проникал везде. За несколько дней в аптеках исчезли медицинские маски, но испуганные горожане старались не выходить из домов даже в них. Врачи с экранов телевизоров наперебой рассказывали о страшных последствиях для тех, кто будет дышать смогом. Из Москвы спешно эвакуировались посольства иностранных государств. Родители бросились вывозить из задымленного города детей и по возможности уезжали с ними сами – на вокзалах случалось столпотворение.

И вот москвичи, только-только начавшие забывать страхи прошлого лета, вновь почувствовали неожиданно нагрянувший дым. Он всколыхнул память о гари, в которой трудно, невозможно дышать. Люди паниковали, неужели снова им придется спешно покидать Москву? Многие уже были почти уверены, что это проклятие какое-то, которое кто-то могущественный насылает на столицу за грехи или в предостережение.

Однако через несколько часов или этот кто-то всесильный передумал, или резко сменился ветер, но гарь, как огромный змей, заструившись по улицам и бульварам, медленно начала уползать из города.

К полудню зловоние покинуло и район Таганки, где жил Евгений. Открыв дверь на балкон, озабоченный предстоящей встречей с врачом, он не обратил внимания на легкий запах костра во влетевшем в комнату ветре. Впрочем, в это утро у него ни на чем не получалось сосредоточиться, и заставить себя позавтракать не вышло, только с трудом небольшими глотками он выпил чашку чая.

Нельзя сказать, что предстоящая встреча занимала все его мысли, их в голове не было совсем – весь организм в ожидании приговора-диагноза отказывался ощущать себя. Евгений не думал, впервые ему это удавалось сделать без усилий. Если бы картина случившегося предстала во всей реальности происходящего, то заставить себя пойти на растерзание к врачу не хватило бы сил.

Однако, в конце концов, диагноз мог и не подтвердиться. Сильный, уверенный в себе мужчина – убеждал он себя – может и должен взять себя в руки. Хотя когда он одевался, эти

руки слегка дрожали. Нужно было спешить, врач в клинике принимал по часам, если пациент опаздывал, ему приходилось снова записываться на прием.

Онколог разложил перед собой на столе бумаги, достав их из большого пакета, прикрепленного к медицинской карте:

– Так... – Быстро пролистав результаты анализов, он внимательно посмотрел на бледного Евгения, зажавшего верхнюю губу зубами. – Вы просили говорить прямо и честно. Вы хорошо себя чувствуете? Готовы к прямому разговору? Давайте я сначала осмотрю вас. – Врач взял в руки аппарат для измерения давления.

Евгений всё понял, диагноз подтвердился. В голове пронеслись мысли. Ему тридцать пять лет, в спортивной форме, футбол, бассейн, качался... а теперь если и выживет – инвалид. Не успел жениться, а... дети. Как он скажет маме и брату? Они от него зависят... А его фирма... Сможет ли он достаточно зарабатывать...

Доктор молчал, за долгие годы работы привык, что его больные по-разному переживают эти первые минуты онкологического диагноза. Опыт научил его держать паузу, когда к больным приходит осознание – с ними случилась настоящая беда.

Евгений так задумался, что перестал видеть окружающее, будто был в кабинете один. Потом предупредительный, заботливый голос врача показался ему издевательским, он с ужасом представил, что теперь все так будут с ним разговаривать, как с больным, слабым человеком. Этот страх перед мгновенным превращением в другого субъекта, уже как будто не в себя самого, вывел Евгения из оцепенения:

– Юрий Сергеевич, я готов. Что показали анализы?

Врач внимательно на него посмотрел, не стал снова настаивать на осмотре, вздохнул:

– Как мы решили вместе, исходя, как вы помните, из случайно обнаруженной при анализе мочи гематурии...

– Помню, кровь в моче.

– Да, именно так. Проведены все возможные анализы – УЗИ почек, компьютерная томография, расширенный анализ крови... была сделана биопсия. Можно с уверенностью сказать, что в левой почке у вас злокачественное новообразование.

– Рак? – подытожил Евгений.

– Да, почечно-клеточный рак, – кивнул врач.

В небольшом кабинете было жарко, открытое полностью окно не спасало от июльского пекла, а может, и наоборот, повышало в комнате температуру воздуха.

– Жарко тут у вас, – вдруг сменил тему разговора Евгений, осматривая стены, увешанные дипломами онколога.

– Еще в прошлом году обещали кондиционер поставить, – врач достал из кармана белого халата платок, вытер им лоб и толстый затылок, понятно, что ему с его полнотой было нелегко переносить жару, – и никак. Больные жалуются, да мы и сами страдаем.

Евгений подумал, что нужно привыкать к словам «больные», «больной», теперь и он их носитель.

– И что мне теперь с этим делать? – кивнул он на бумаги на столе.

– У вас хороший прогноз, – постучал рукой по листам Юрий Сергеевич. – Опухоль небольшая. Возможна была бы и резекция, но лучше удалить почку полностью, вторая у вас совершенно здорова. Потом я бы посоветовал таргетную терапию – назначим препараты, которые действуют только на раковые клетки, не затрагивая остальные. Должен вам сказать, что ни лучевая, ни химиотерапия при раке почки не эффективны, подумаем об иммунотерапии.

– Давайте сегодня на этом остановимся. Мне нужно подумать, переварить.

– Хорошо. – Врач понимающе закивал, но строго добавил: – Только вы должны знать, у нас есть не писанное, но железное правило – рак нужно начинать лечить не позже двух недель с момента диагностики. Пойдите! Я должен вас осмотреть.

На парковке у клиники Евгений какое-то время растерянно оглядывался, поняв, что от всех этих волнений забыл, где поставил машину. Только после нажатия на кнопку брелка, увидев мигнувшие фары, он ее нашел. В машине, достав из кармана выключенный мобильный телефон, не включив, бросил его в бардачок, решил, что на работу сегодня не поедет, но и в пустую квартиру ему не хотелось возвращаться.

Вокруг клиники и на прилегавшей к ней дороге не было никакого движения, в Москве наступило то приятное время, когда взрослые жители уезжают в отпуск к морям, детей отправляют в лагерь или с бабушками на дачу, иногородние туристы находят более интересные места для летних путешествий. В итоге столица становится уютной – нет пробок на дорогах, вагоны метро свободны даже в часы пик, нет очередей в супермаркетах. Евгений ехал по пустому городу, только вредные таксисты умудрялись обгонять все попутные машины и нарушать правила даже на свободных дорогах.

Евгений, почувствовав горечь во рту, понял, что нужно срочно что-нибудь съесть, потому что дорога у него перед глазами начала расплываться, так и в аварию недолго было попасть.

В Парке Горького ему нравилось кафе у пруда, туда он и направился. Под деревьями в тени горожане спасались от жары на подстилках прямо на траве, люди располагались на всем свободном пространстве газонов. Пищали дети, обнимались влюбленные, ели принесенные бутерброды семьи. В фонтане охлаждалась после выпитого спиртного пьяная компания подростков. Заливалась громким смехом-визгом юная девушка с красными взбитыми волосами, в коротенькой юбочке и в полоске-кофточке, не прикрывавшей ее голый живот. Девушку тащил на себе нетрезвый юноша в сползших ниже трусов шортах. Парень залихватски напоказ громко матерился, неуверенными движениями тискал тело подруги, стараясь закинуть ее себе на плечо. Остальная компания подбадривала резвую парочку.

Сцена эта показалась Евгению отвратительной. Он остановился рядом с фонтаном и стал разглядывать пьяную молодежь. Три хмельные девицы, симпатизировавшие парочке, размлевшие от жары и спиртного, показались ему чудовищно страшными – косметика, которой они разукрасили свои юные лица, растаяла от жары и растеклась, вокруг безобразных физиономий дыбом стояли взлохмаченные волосы. Одна из девушек всё время прикладывалась к полупустой бутылке пива, почему-то стараясь пить из нее уголком губ, покрытых ярко-красной помадой. Пьяные дружки девиц, как показалось Евгению, были похожи на каких-то неизвестных науке животных – плотные, откормленные, накаченные, со стеклянными прозрачными глазами.

Самый высокий из парней начал яростно обливать подруг водой, быстро зачерпывая ее ладонями, девушки попытались его свалить с ног, но парень резво отпрыгнул, и тут его взгляд встретился с взглядом Евгения. Внимание постороннего человека показалось пьяному вызывающим, глаза подростка стали злыми, однако в это время порыв ветра подхватил струи фонтана, окатил брызгами веселую компанию и Евгения и будто смысл возникающий конфликт.

Евгений быстро пошел по аллее парка. «Почему? – кричал он внутри себя. – Почему я? Чем я провинился? Неужели я хуже этих... за что... Я всегда всё делал правильно, школа – никаких репетиторов, денег на них у матери не было, сам поступил в университет. Работаю с первого курса. Маме всегда помогал. Фирму создал сам, никто не поддерживал. С квартирой и машиной всё порешал, работал, если нужно, сутками. За что? Я ничего не успел... Всё только начал... Где я нагрешил? В чем мой грех?» Он повернул к кафе, сел за столик в тени. Недалеко по маленькому озеру две парочки медленно катались на лодках. Официантка в игривом передничке многозначительно ему улыбнулась, видя в нем одинокого симпатичного блондина,

с которым можно было пококетничать, но, не заметив ответного интереса, быстро приняла его незамысловатый заказ на свиной шашлык и воду.

Он продолжал себя пытаться: «Где ошибся? В чем вина... да такая, что приходится расплачиваться жизнью. Наказание без вины не бывает, не должно быть, так учили, такой давали урок. Справедливость – когда ты честен, не грешишь и тебя не наказывают. Мама просила всегда, чтобы перед важным делом заходил в церковь, ставил свечку. Заходил, ставил. С чистым сердцем это делал, потому что никого не обманывал, не воровал, не обижал. Тогда почему такое случилось со мной? Где справедливость?»

Шашлык оказался сухим, из маленьких кусочков серого мяса с острыми обгорелыми краями, словно даже говяжий, но Евгений его с удовольствием сгрыз, чувствуя, что очень голоден. В конце обеда попросил чашечку кофе, который пах очень приятно, но был обжигающе горячим.

Недалеко от него на пруду новая партия катающихся садилась в лодку – семья с двумя детьми, на которых надели смешные яркие надувные жилеты, дети доверчиво повисали в руках отца, пока он их переносил с причала в лодку.

Евгений вдруг понял, что никогда не был в Москве спокоен. Возможно, решил он, этот город никогда не дает человеку расслабиться. Постоянное напряжение оправдано возможными опасностями. Страшный, резкий, безжалостный город, который сбивает с ног людей сразу, как только они дают слабину. Ему сейчас эти горькие мысли не казались чрезмерными. Он с мазохистским упорством вспоминал людей, которых столичный город «перемолол» и выбросил, – доверчивого однокурсника с Урала, которого ограбили и искалечили, тот уехал домой инвалидом; знакомую, оказавшуюся на панели; другую, у которой бывший муж отнял квартиру.

Одна за другой всплывали в его памяти истории хороших людей, обманутых, обиженных, униженных. Никто в этом городе не помог им, даже просто не пожалел. А сам он... сам? До этого дня хоть раз испытал стыд за этот город? Евгений честно себе ответил, что по-настоящему не обращал внимания на чужие беды. Может, только немного противно было. Ничего нельзя сделать – так он раньше изредка оправдывал себя. Теперь такое оправдание не срабатывало.

«Круговая порука. Круговая порука всеобщего бесчестия. Болезнь, как любая зараза, от разложения, от гниения. Человек – часть организма города, в котором нельзя не умереть, потому что... как тут можно нормально жить?» – Евгений очнулся от вопроса официантки, будет ли он еще что-то заказывать? Он расплатился за обед, дав удивленной девушке столько же денег на чай, сколько стоил сам обед. По дороге к машине он стал корить себя за это, не потому, что ему стало жалко денег – к ним всегда был равнодушен. Казалось глупым, что он будто подкупал судьбу, расплачиваясь чаевыми за свою связь с этим проклятым городом.

Уже в машине Евгений понял, что впервые назвал Москву проклятой. До этого момента он считал, что любил ее, во всяком случае, всегда так говорил. Он подумал, что странное использовал слово, «проклятый», значит, кто-то проклял город. Обиженные люди? Бог? Ему вдруг очень захотелось уехать в родной Заокск к маме. И он решил: а почему бы правда не поехать домой, дорога в два часа не показалась ему далекой. Через полчаса Евгений уже выбрался на МКАД, на котором тоже не было пробок, и рванул по шоссе на юг от Москвы.

Трасса оказалась более загруженной, чем столица, противно чадили фуры, они ехали друг за другом целыми караванами. Это было их время, с юга на север они везли созревшие овощи и фрукты, назад спешили налегке за новой порцией груза. Водители большегрузов торопились, чтобы не сгнили их скоропортящиеся нежные товары, легковые машины казались им ненужной помехой. Евгений немного забылся, объезжая одну за другой вереницы беспокойных грузовиков, которые, двигаясь медленно, умудрялись еще и неторопливо обгонять друг друга.

Наконец он въехал на мост, под которым красиво голубела широкая Ока, на берегах ее желтели полосы чистого песка, за которыми начинались леса. По реке плыли несколько лодок

и небольшой теплоход, у берегов купались люди, издалека они казались мелкими букашками. И хоть в машине воздух охлаждал кондиционер, Евгению всё равно захотелось поплавать в прохладной реке, но домой тянуло еще больше, он поехал дальше.

Дверь в квартиру Евгений открыл своим ключом, маме он позвонил по дороге, чтобы не волновать ее неожиданным приездом. Сначала ему показалось, что дома никого нет, телевизор молчал, других звуков тоже не было слышно. Он заглянул в комнату младшего брата Паши, в которой они раньше жили вдвоем. Брата дома не было. А его вещи были разбросаны на двух кроватях, на полу и столе, над всем беспорядком, повешенная на стене, царствовала новая блестящая электрогитара, которую Евгений недавно брату подарил.

В гостиной на диване, не разбирая его, положив под голову маленькую подушку, спала мама. Наверное, она здесь ждала сына, но жара ее сморила. Евгений пошел на цыпочках, сел рядом с диваном на стул. Всмотрелся в родные черты – мама вспотела, ее лицо в морщинах было красноватым, у нее в последнее время постоянно поднималось давление, измотала нервная работа в школе. Сколько он ее ни уговаривал, на пенсию не уходила, работала. «Настоящая училка», – подумал он с нежностью и улыбнулся. От жизни ей досталось, отца он своего не помнил, тот бесследно пропал после развода, и отчим ненадолго задержался, Паша тоже не знал своего отца. Всё для сыновей делала она одна, вот только сейчас он мог бы ей по-настоящему помочь.

Сердце у Евгения вдруг заболело по-настоящему, сильной болью, раньше, бывало, ныло немного, а тут резко кольнуло, так что невозможно было дышать. Как сказать матери, уставшей, измученной, что у ее любимого старшего сына, ее опоры – рак. Как такое сообщить? Такой новостью можно убить...

Мама открыла глаза.

– Женечка, – улыбнулась она радостно, – прости, а я ждала-ждала и уснула.

Она бодро села на краешек дивана и тут же вскочила.

– А я супчик успела сварить. Хорошо, что вчера котлетки пожарила, куриные, как ты любишь, – затараторила она, увлекая сына на кухню.

– Мам, да я недавно ел, – чмокнув ее в щеку, он попытался отказаться.

– Вот всегда была проблема тебя накормить, – улыбнулась мама. – Ничего не хочу слушать, мой руки и садись к столу.

Он подчинился. Пока ел, мама сидела рядом и рассказывала о Паше, который отбивается от рук, о подругах учительницах, о своих учениках, которые не оставляли ее в покое и летом, потому что все были их соседями и она привыкла присматривать за ними постоянно, потом настал черед друзей самого Евгения, кто-то всё же женился, а у кого-то и второй ребенок уже родился...

Как бы часто Евгений ни приезжал домой в маленьком городке, где каждый знал всё обо всех, новостей накапливалось много.

– Вкусно, спасибо. – Он доел котлеты.

– Компот? – Мама кивнула на трехлитровую банку с ярко-малиновым варевом.

Громко хлопнула входная дверь, через секунду из коридора на кухню заглянул растрепанный Паша в пыльной черной майке с фото рок-певца с микрофоном. Подросток протянул старшему брату худую грязную руку:

– Привет, брат!

– Павел, – мама спокойно отвела чумазую руку младшего сына в сторону, – руки мыть и быстро к столу.

– Суп не буду, – отрезал мальчишка.

– А кто тебя спрашивает? – нахмурилась она. – Сначала суп, потом остальное. Трудно с ним сейчас, – обратилась она к Евгению, – возвращается домой поздно, где и с кем гуляет, неизвестно. Не слушает меня. Ты поговори с ним, пожалуйста. Не занимается совсем ничем,

книги не читает, каникулы у него, видишь ли... Только на гитаре учиться играть, терплю, только прошу, чтобы потише. А ведь ему в следующем году поступать. Иначе армия. Поговори с ним, пора ему за ум браться.

Вечером весь ритуал встречи с родными был позади: корзину продуктов в супермаркете закупили, чтобы маме не носить тяжелые сумки, с Пашей Евгений поговорил, впрочем, брата интересовало только одно – какая-то специальная педаль с эффектами для гитары. После ужина можно было возвращаться назад в Москву.

Евгению так стало понятно, что в родном городке жизнь остается обычной, обыденной, остановившейся навсегда, и все новости казались заранее запрограммированными. На улицах с Евгением постоянно здоровались люди, потому что его здесь все знали. Город был очень пыльным, словно его присыпали из огромного сита серой пудрой. Особенно печальными смотрелись старые деревянные домики, которые долгие годы никто не красил: пыль въелась в шершавые доски стен, изменив на серый некогда яркие цвета. И пятиэтажный дом, в котором жили мама с братом, с трещинами на кирпичных обшарпанных стенах и чудовищным запахом мочи и плесени в подъезде выглядел невыносимо жалким. Евгений неосознанно скорее не понял, а почувствовал, что у этого места нет сил на сочувствие ему, город живет с мукой, с трудом выживая.

– Жень, – мама неожиданно остановила его, когда он готов был открыть дверь, чтобы идти к машине и уехать, всмотрелась в сына, обнимающего пакет, в котором стояла банка малосольных огурцов, – ты ничего не рассказал о себе... Как твои дела? Мы всё о себе да о себе... – говорила с паузами, уже давно если начинала нервничать, то не могла преодолеть одышку. – У тебя всё хорошо? Я целый день думаю, что глаза у тебя печальные... Ты ничего от меня не скрываешь?

На секунду Евгению показалось, что сейчас прорвет его печаль, и он, как в детстве, уткнется в мамино плечо и выдохнет правду: мама, диагноз – рак, как жить, что делать – рак. Но он только сильнее сжал в руках пакет с банкой.

Выручил брат, неожиданно появившийся в прихожей, сияющий, наперевес с гитарой, за которой вился шнур.

– Пока! Я тебе напишу смс, какая «примочка» нужна. – Он поиграл, извлек из гитары несколько пищащих звуков.

– Паша, тише! – Мама зажала уши руками.

– Маму береги, – кивнул ему Евгений. – Ладно, куплю я тебе «примочку».

На площадке он стал на ступеньку лестницы, но почему-то в последний момент оглянулся и увидел, как мама торопливо крестила его, губы ее шевелились, она что-то шептала. И готов был поспорить, что это была молитва. Он повернулся к ней лицом, мама размашисто перекрестила его снова. Нужно было уходить, бегом по лестнице в обнимку с огурцами, с полным осознанием, что как это ни страшно, но когда-нибудь нужно будет рассказать родным о своей болезни.

Приехав домой, Евгений попытался вести себя как обычно – принял душ, посмотрел новости в интернете, узнав главное, что все боятся возвращения в Москву дыма лесных пожаров, разобрал постель, даже выключил свет, но не смог себя заставить лечь в кровать. За открытыми окнами и дверью балкона город не спал, шумели вдалеке проезжающие по улице машины, свистел притормаживающий троллейбус; в соседнем дворе полуночники пели под гитару, какую песню, было не разобрать, но чья-то рука была по звеневшим струнам. Он вернулся к компьютеру и долго читал в интернете всё, что смог найти о своей болезни, это было отвратительно, муторно, мучительно. Невозможным казалось, что внутри него растет эта опухоль, его собственный организм растит ее, готовясь его убить.

Евгений усилием воли приказал себе не смотреть фото, связанные с раком почки, выключил компьютер, лег в постель. Но мысли назойливо лезли в голову. Почему? Почему именно

его нормальная жизнь должна была так непонятно, неожиданно прерваться? До этого можно было строить планы и воплощать их, а теперь всё предрешил болезнь. Стоило ли ему вообще лечиться, мучить свое тело, резать его, терзать отравой, чтобы в конце концов обессиленным умереть? Может, он раньше видел в фильмах, как там делали придуманные герои – смертельно больные люди, бросить всё и пусть недолго, но пожить в свое удовольствие? А боль? Он совсем забыл о ней. Рак – это боль. Боль ему всегда было трудно терпеть. Можно ли выдержать боль от рака? Или он сломается. Будет молить о пощаде. Но кого молить о пощаде? Кого?

Сон не приходил, от беспокойства становилось только хуже, больше в квартире невозможно было оставаться. Он быстро оделся. На улице к середине ночи воздух стал прохладней, хотя от камней домов, от асфальта веяло теплом, накопленным за жаркий день. Дымом не пахло. Евгений не включил в машине кондиционер, а открыл все окна и поехал не спеша в центр города.

Москва не думала спать. На Таганской площади огнями светились дома, сияли витрины магазинов, даже закрытых, работали не только ночные клубы, но и многие кафе и рестораны. Ничто не говорило о том, что завтра обычный трудовой день, а не выходной. Веселым и загульным оказалось и Садовое кольцо, машин на нем было чуть ли не больше, чем в дневное время, со стендов на обочинах и плакатов на зданиях подмигивала вездесущая световая реклама; висящие над дорогой перетяжки празднично предлагали всё покупать, посетить, выбрать. Евгений повернул на Тверскую улицу, которая светилась еще больше остальной Москвы, здесь даже деревья и столбы украшали бегущие огоньки гирлянд – вездесущий праздник в этом месте достигал пика. Компании праздной разодетой молодежи заполняли тротуары. Люди говорили громко, и, казалось, все хохотали, перекрикивая грохочущую из окон ресторанов музыку. Какофония звуков небывалого веселья как бы перекликалась с неупорядоченным блеском светового украшения улицы и вызывающе безвкусными нарядами гуляющей по ней толпы.

Девушка в полупрозрачной кофточке и обтягивающих бедра и ноги блестящих лосинах, по-своему истолковав внимательный взгляд Евгения из медленно едущей машины, улыбнулась ему и осторожно, чтобы не сломать высоченные каблук, спустилась с тротуара на дорогу. Это был простой интерес к симпатичному парню в машине или она хотела продать себя? И то, и другое показалось Евгению отвратительным. Он поехал быстрее, стараясь забыть эту неприятную для него сцену.

Но память немедленно подсунула воспоминание – недавно он узнал, что его знакомый иногда брал к себе домой пожить такую вот девушку с Тверской. В обычной квартире она, без косметики и яркой одежды, казалась серенькой девочкой, усталой и испуганной. Однажды он ждал задержавшегося приятеля, девушка покормила его и рассказала о себе – в поселке где-то на юге России у нее мама и бабушка, огороды с картошкой, печь, что топят углем. Зарабатывать приехала в Москву, зимой торговала овощами на рынке, каждый день с пяти утра, в морозы, не согреться никак, постоянный холод до дрожи, руки, несмотря на перчатки, по локоть в грязи, которую не смоешь, так въелась в кожу, а еще нужно поднимать тяжести – мешки, ящики. Не выдержала, себя, оказалось, продать легче. Как же звали эту девушку? Какое у нее было имя? Точно... Светочка. Беленькая такая. Борщом его вкусным накормила. Может быть, и она сейчас стояла здесь на Тверской.

Он снова притормозил машину уже у Пушкинской площади, тут прогуливалась московская модная молодежь с претензией на особенность. Лица, носы, губы ребят пестрили железяками – пирсингом, огромные дыры в ушах, одежда тоже в дырах, разноцветные волосы от синих и красных до черных, как воронье крыло. Одежда от черной рокеров до пестрой новых нетрадиционных любителей жизни, веселья, цветов и легкой любви. Тут не было шумно. Пушкин, склонив голову, молча стоял посреди тихой толпы неформалов. Евгений развернулся и поехал снова по шумной карнавальной Тверской к Кремлевской набережной, ему захотелось немного побыть у реки, в тишине.

Почему всё-таки он остался один – думал Евгений, облокотившись о парапет набережной, рассматривая отражение городских огней и световых украшений моста в черной воде реки, красиво изогнувшегося слева от него. Столько вокруг девушек, он постоянно с кем-то встречался, признавался в любви. Не жадничал, возил к морям. Думал, что женится, когда будет нужно. Ничего не получилось. Вот телефон – он посмотрел на мобильный телефон в своей руке. И что? В нем десяток номеров женщин, которым можно позвонить, чтобы куда-то пойти – хорошо провести время. Эти номера можно было все стереть.

Однажды он потерял телефон и ничего не сделал, чтобы восстановить номера своих подружек. Какая из них перезвонила сама, номер той снова запомнил, а не позвонила – потерялась навсегда. В прошлый раз онколог сказал, чтобы он, когда будут готовы результаты анализов, пришел на прием не один, а с кем-то близким. Тогда Евгений, не задумываясь, сразу решил – пойду один. Но суть в том, честно признался он себе сейчас, что нет у него человека, с которым можно идти к доктору, выслушивать онкологический диагноз. Брат мал, мама больна, а друзья у него всегда были для другой жизни. А собственно, для какой жизни?

Евгений прошелся вдоль реки, дышалось хорошо, было тихо, чуть слышно плескалась внизу вода. Мимо него по дороге быстро проехала красная гоночная машина, взвизгнув на повороте тормозами. Так о чем это он думал... о жизни... Он вздохнул, оглянулся на раскинувшийся в глубине квартала старый монастырь, название которого не знал, недавно обитель начали реставрировать, храмы укутывали строительные леса и маскировочные сетки. Так... его жизнь... теперь стало очевидным, у него, по всему, она обычная столичная. И люди вокруг такие, из этой жизни. Его место еще недавно оставалось среди той толпы на Тверской. Толпы безликой, бездушной, съедающей слабых и незащищенных. Он даже вздрогнул, так до животного отвращения стали противны ему люди, живущие в этом городе. И он был одним из них, значит, стоил свалившейся на него болезни. Кто мог бы взять на себя смелость – его помиловать? Он сам, если оставаться до конца честным, не помиловал бы себя.

Как помиловать человека, который мирится с адом, существующим в этом городе? Евгений вспомнил, как плакала одна знакомая девушка, рассказывая ему, что умер ее друг в 27 лет – тележурналист, работавший в программе криминальных новостей на одном из московских каналов. Корреспонденту постоянно приходилось с полицией выезжать на происшествия, растерзанные люди, убитые дети, драки, поножовщина... Каждый вызов – свежая человеческая кровь. Сначала бессонница, потом депрессия, и сердце у парня не выдержало.

Мегаполис Москва – особенно страшное место, решил Евгений для себя окончательно. Сжимается прессом огромного города вся грязь, что есть в людях, и взрывается. У кого преступлением, бездушием, ненавистью. А у него болезнью.

Вернувшись в машину, он поехал от центра к окраинам, случайный скучный спальный район с одинаковыми домами освещался плохо, давно спал, на пустых улицах не гуляли люди, только пронзительно где-то в глубине кварталов монотонно сигналила, громко призывая хозяйина, обиженная кем-то машина. Тот, наверное, спал и не слышал страдальцу, зато сработавшая охранная сигнализация точно тревожила соседей, пожалел людей Евгений.

Он уже подъезжал к дому, когда на Таганской улице его внимание привлек, занимавший целый квартал, раскрашенный цветными прожекторами монастырь – красные, как у Кремля, русской архитектуры стены с нарядной белой отделкой, за ними крыши храмов и колокольня. Евгений подумал, что странно – живет рядом, от его дома монастырь в десяти минутах ходьбы, а он никогда особенно не всматривался в эти красивые старинные постройки. Поставив машину у подъезда, он вернулся к обители пешком.

От дороги монастырскую стену отделял палисад, в котором среди деревьев и клумб стоял старинный отреставрированный симпатичный дом. Закрытый шлагбаум у этого небольшого скверика отгораживал въезд к воротам обители. Никто это место не охранял, и Евгений спокойно подошел к огромной арке-входу в стене с двумя лепестками кованых железных ворот, которые были на замке, как и небольшая калитка рядом с ними. Высоко над воротами на полукруглой арке белые слова на голубой ленте призывали какую-то старицу молить Бога о людях.

Красная кирпичная стена поднималась высоко и уходила вдаль к перпендикулярной улице. Евгений пошел вдоль стены, но оказалось, что пройти дальше было нельзя, в конце тротуара у дороги высилась еще одна арка – сверху красная, внизу белая, закрытая ажурными

прозрачными собранными из завитушек воротами. От арки направо и налево уходила невысокая железная изгородь с острыми прутьями сверху. Неожиданно он услышал, что с другой стороны у ворот, несмотря на позднее время, разговаривают какие-то люди.

Пришлось возвращаться к шлагбауму, чтобы пройти вдоль дороги по узкому тротуару у палисада, ему захотелось рассмотреть фасад красивой арки и узнать, кто сидит ночью у монастыря.

На асфальте вплотную у ворот, висящих на мощных кирпичных в белой штукатурке тумбах-основаниях арки, на расстеленном прямо на тротуаре толстом ватном одеяле сидели несколько человек. Они окружали немолодую плотную женщину в темном платье в горошек, на плечах у нее лежал белый платок, черные густые достаточно короткие волосы, аккуратно зачесанные на две стороны от пробора посередине головы, от пота намокли. Поправляя очки с затемненными стеклами, она с улыбкой подняла голову. Он почему-то подумал, что это, наверное, монахиня. Рассматривая его, замолчала и остальная компания – молодая женщина с девочкой лет пяти, которая лежала, прислонившись головой к коленям матери, и парень лет тридцати в потрепанной, грязной одежде, сидевший не на одеяле, а прямо на асфальте.

– Здравствуйте, – «монашка» продолжала улыбаться, – присаживайтесь к нам, – доброжелательно пригласила она.

– Спасибо, постою, – облокотился о белую тумбу Евгений, – красивый монастырь, – кивнул он на строения за своей спиной.

– Покровский монастырь! – оживился парень бомжеватого вида. – По мне, лучшее место в Москве. Как попал в Москву, так сюда часто прихожу. Люди сюда к старице идут, не жадничают, хорошо подают. Мне сразу ребята сказали – Славка, худо будет, иди в Покровский.

– Тебе, Слава, наверное, трудно без дома. Не сладко на улице жить? – сочувственно вздохнула молодая женщина. – Сейчас тепло. А зимой-то холодно.

– Тебя как называть? – без церемоний спросил ее оборванец.

– Я Надя, а это моя доча – Томочка. Мы из Владимирской области, к благотворителям приехали, за помощью. Стыдно к незнакомым людям ночью идти, вот посидим здесь, утром помолимся старице в монастыре, даст Господь, помогут добрые люди.

«Монашка» погладила женщину по руке:

– Господь милостив, нужно только просить Его, молиться от всего сердца.

Бомж Славка поерзал, устраиваясь удобнее, прислонился к железным воротам.

– Ты, Надя, не думай... мне жить можно. Сейчас летом на пустыре у нас даже землянки есть, суп на костре варим, песни поем. Река рядом – моемся. Курорт! – рассмеялся он, похлопав в ладоши чумазыми руками с полосками грязи под ногтями. – Зимой холодно, но главное, теплое место найти, из метро гонят, но чердаки есть теплые, а можно и в подъезде, но граждане злые бывают – и в морозы выгоняют.

– Прости, – замялась Надя, – а как ты на улице оказался?

– Да ты не переживай, – снова солнечно улыбнулся Славка, – это ничего, живу себе. Детдомовский я. Ты вот из Владимирской области, а я из Костромской. Еще малым сюда сбежал, за дальнобойщиками увязался. Времена-то какие были, в детдоме жрать было нечего, тетки там работали хорошие, не воровали, иногда для нас и свое с огородов приносили. Суп – одна вода, хлеба и того не хватало. Одежка вся изнасилась, а новой не давали, с обувью так просто

беда, ноги выросли, а носить нечего. Не поверишь, по очереди в школу зимой ходили – было так, что одни сапоги на троих. – Он продолжал улыбаться, а у Нади уже слезы выступили на глазах (Евгений же с нежностью вспомнил маму). – А потом уж, когда совсем стало плохо, даже на дрова денег детдом не получил, с горя директор наша стала посылать пацанов на трассу – у водителей побираться. Так с ребятами я в Москву и подался.

– Господи, – Надя вытерла слезы, – жизнь у тебя какая. А я всё на свою жалуюсь. Я бы терпела, только Томочку жалко.

Томочке надоели серьезные разговоры взрослых, она поднялась и направилась к цветнику, рассматривать его из-за ограды.

– Далеко не уходи, – строго приказала Надежда дочери.

– Я только цветочки посмотрю. – Девочка через дыру между прутьями притянула к себе соцветие небольших красных роз.

Евгению в какой-то момент тоже захотелось уйти от этих печальных разговоров, ему подумалось, что на сегодня ему и своего горя достаточно, но какое-то неясное, ноющее в груди чувство остановило его, когда он посмотрел на трогательные цветы Томочки.

– Ты присядь, – похлопала своей пухленькой маленькой ладошкой по одеялу «монашка», приглашая его присесть, – день долгим, трудным был, устал ведь.

Он не возмущился почему-то обращению на «ты» от незнакомого человека и, почувствовав вдруг острую усталость, обессиленный сел на краешек одеяла.

– Вы монахиня? – обратился он к доброй женщине в темном.

– Нет, – улыбнулась она, – молитвенница. За людей молюсь Господу. Хочешь, о тебе помолюсь?

– Не знаю... – смутился он, раньше о нем молилась только мама, а тут незнакомая женщина, которая ничего о нем не знает. – Не стоит, – решил он и сразу засомневался, можно ли отказываться от такого, – не знаю... Я крещенный, – добавил смущенно, уж совсем непонятно зачем, и, опустив голову, выдохнул: – Мама обо мне молится.

– Говорят, материнская молитва самая сильная, – закивала Надежда, – я о Томочке каждый день утром и вечером молюсь.

– Ты умница, – погладила ее по плечам и голове молитвенница, – Господь услышит тебя, помилует вас с дочкой.

Надя перехватила руку, приласкавшую ее, поцеловала.

– Как мне трудно иногда бывает, матушка, а падать духом нельзя – ребенок. У меня ведь диабет, я инвалид, – заплакала она, поглядывая, чтобы дочь не видела ее слез. – С мужем по командировкам всё время ездили, своего дома никогда не было. А потом бросил меня в чужом городе с Томочкой одну, ей три года не было. Мы живем в сарае, зимой стены промерзают, хорошо, электричество есть, сосед из кирпичей обогреватель сделал, докрасна кирпичи накаляются, а всё равно холодно.

– Эх... – не выдержав, махнул рукой Славка, – что за жизнь! Ладно мы...

Евгений вдруг забыл на время о себе, так ярко представилась ему рассказанная несчастной женщиной картина.

– Терплю, молюсь, – вытерла она слезы, – но этой зимой начало во мне что-то ломаться. Перед Новым годом Томочка захотела написать письмо Деду Морозу, она начинает уже писать и читать, в следующем году в школу, занимаемся с ней. И знаете, что она попросила в подарок? – Слезы снова потекли у Надежды по щекам. – Килограмм докторской колбасы. Ух, эта проклятая жизнь впроголодь.

– Иди я помолюсь о тебе, – обняла молитвенница плачущую Надежду, та склонилась над ее коленями.

Над склоненной головой Нади полетела к Богу молитва, голову осенило крестное знамение, совершённое пухленькой рукой, повисшей над ее печалью.

– Я верю в Бога. Другой надежды у меня нет, – подняла Надя заплаканное лицо и перекрестилась на монастырь, – а сюда к блаженной, говорят, многие приходят с последней надеждой.

– Так и есть, – подтвердил бомж, – это я тебе говорю. Здесь кто к мощам и иконам приложится, тому Господь поможет. Ты, Надежда, даже не сомневайся! Я тут насмотрелся, выздоравливают люди и от горя спасаются.

– В общем, после этой «колбасы» в письме Деду Морозу я поняла, что нужно что-то делать. В следующем году ей в школу, а у меня денег нет совсем. Ее в школу собрать нужно, стол купить. В общем, добрые люди надоумили, адресок дали, написала письмо в Москву в фонд, приезжали они к нам, посмотрели, как мы живем, теперь нашли деньги, обещают нам комнату в городке нашем купить. Написали мне, что уже и документы готовят. Вот приехали мы, а незнакомых людей беспокоить ночью стыдно. Не гордые, переждем ночь, помолимся. – Она, как ребенок, взяла молитвенницу за руку. – Спасибо тебе. А я даже и не спросила, как зовут тебя?

– Рона, – второй рукой погладила ее молитвенница.

– Так и быть, Рона, молись и обо мне, – стал перед ней на колени Славка, – не знаю, о чем просить. Да такая, как ты, лучше меня знает, что мне надо.

Молитвенница сложила вместе свои пухленькие руки над его головой и тихо что-то зашептала.

Евгений внимательно рассматривал милую Томочку, нюхающую цветы, утирающую слезы Надежду и склонившегося в поклоне Славку.

– Да это же невозможно, – не выдержав, он вскочил на ноги, – вы себя слышите?! О какой вы говорите надежде?! – Кулаки у него сжались сами собой. – Горе, горе, кругом горе! Проклятые, ненавидящие, презирающие мир люди плюют на всех. Кто-то ворует, жирует, отнимает последнее у сирот. Кто-то бросает собственного ребенка и больную жену. Ненавижу этот мир, в котором страдание людям невинным, а подлецы живут в свое удовольствие. Когда было иначе? Я ненавижу этот мир! Я никогда не смирюсь с ним!

– О... брат, – Славка поднялся на ноги, попытался похлопать Евгения по плечу, но тот резко отодвинулся, – зря ты так. Так долго не протянешь.

Евгений даже вздрогнул, как будто бомж что-то о нем понял, о его болезни.

– Этот город тоже весь болен! Понимаете? Всё неправильно. Люди безразличны друг к другу, ненавидят друг друга, – настаивал он на своем.

– Утром зазвонят колокола, – улыбнулась Рона, – откроются ворота обители, будут идти люди с цветами, много людей. Подумай, тебе есть о чем попросить у раки с мощами. Ты попроси. Люди приходят каждый со своим разговором. Что тебе до чужих грехов, перед Господом каждый сам за себя отвечает.

– Как зовут тебя? – потянулась к нему Надя. – Если ты не можешь, давай я помолюсь о тебе, – ласково предложила она, – мне кажется, тебя кто-то обидел.

– Да никто меня не обижал, – нервно прошелся перед собеседниками Евгений. – Женя меня зовут.

– Раб Божий Евгений, – покивала Рона.

– Не нужно обо мне молиться, – он решительно покачал головой, – в этом смысла нет... нет смысла. Даже если молитва поможет, даже если... и что... насколько ее хватит до следующей беды. Этот же мир, понимаете, проклят, это же, помните, – тут пришла ему в голову неожиданная мысль, – времена Лота, есть даже страдалыцы, но нет праведников. Понимаете?

– Давай я помолюсь о тебе, Женя. – Рона протянула к нему руки.

– Не надо, – еще немного, и он мог бы заплакать, – не стоит. Я такой же, как все в этом городе. Прощайте.

Евгений резко повернулся, собираясь уйти, и чуть не налетел на Томочку. Девочка смотрела на него широко открытыми небесными голубыми глазами.

– Возьми! – протянула она ему небольшую розочку. – Ты хороший, – улыбнулась она ласково, совсем как ее мать.

– Спасибо. – Он не знал, что еще сказать этой маленькой девочке в поношенном платьице.

– Раб Божий Евгений, – помахала ему издалека Рона, – приходи снова, буду ждать тебя.

Евгений ничего на слова богомолки не ответил. Он быстро шел по улице и мог бы поклясться, что почувствовал – в столицу возвращается дым, невыносимо едкий, нужно было срочно спрятаться от него в квартире.

Глава 2

В очереди в женской консультации Софья сидела уже второй час, если бы ей пришлось так долго ждать приема в любой другой день, она давно бы ушла, но сегодня разговор с врачом нельзя было откладывать. Она буквально извелась, каждый раз подсчитывая время, которое уходило на прием очередной пациентки, особенно раздражало то, что кто-то постоянно пытался проскочить без очереди. Еще немного – и она могла бы уйти несмотря ни на что.

Досаднее всего было то, что ее долгожданный отпуск стопроцентно пропал, не успев начаться. Вместо отдыха – прием у врача. Раздражение на свою дурость буквально разрывало Софью изнутри. Но кто-то сверху, наверное, смилостивился над ее переживаниями, и вскоре она вошла в кабинет гинеколога.

Уставшая милая немолодая доктор, работавшая одна без медсестры в период отпусков, кивнула ей:

– Здравствуйте! Ну что, вы подумали? Надеюсь, передумали делать эту глупость? – Она выкопала из горки медицинских карт нужную тетрадку.

– Нет. Я хочу сделать аборт! – уверенно, даже зло подтвердила свое решение Софья.

– Господи, – печально покрутила головой врач, – одумайтесь. Вы пока не представляете, на что решаетесь. Сколько бездетных женщин после прерывания первой беременности рыдают в этом кабинете, годами безрезультатно лечат бесплодие.

– Мне не нужен ребенок, ни сейчас, ни позже.

– Что вы говорите? Вы не понимаете, какое это счастье – материнство. А отец его, – врач кивнула на живот Софьи, – знает о вашей беременности.

– Не знает. И не узнает, – отрезала Софья.

– Да как же так... Вы должны ему сказать.

– Не могу. И адреса его не знаю, он не москвич. Мимолетный роман, – ухмыльнулась она. – Хватит разговоров! Дайте мне направление на аборт!

– Погодите, – врач потерла виски, – ох, ну и жара. Послушайте, может, родители вам помогут? Если даже сейчас они против, потом полюбят малыша, еще знаете, как рады будут.

– Доктор! Не хочу я разговоров! Дайте мне направление на аборт.

– Милая моя, аборт – не подарок. Намучаетесь. А осложнений не боитесь? Воспаления, кровотечения... Это же операция, да и срок у вас немаленький. Думаете, вмешаться в естественный процесс беременности – уничтожить ребенка – это просто. Хотите, мы позвоним вашим родителям, объясним им всё? Сейчас я заведующую позову, – поднялась доктор.

– Пожалуйста, – вся напористость Софьи исчезла, она сникла, как от большой усталости, – не нужно заведующей. Нет у меня родителей.

– Нет, – не сразу поняла врач, – как же...

– Давно уже их нет. И других родных не имею, никого, совсем.

– Вы же москвичка. – Врач посмотрела в карточку. – Наверное, квартиру вам родители оставили?

– Не оставили, снимаю комнату в коммуналке.

– Но вам уже тридцать лет, эта беременность, может быть, единственный шанс.

– Простите, я устала спорить, – Софья наклонилась к столу, – силы на исходе. Не мучайте меня, мне и так нелегко.

– И денег, наверное, на платную клинику нет? – понимающе покивала головой врач.

Софья молча покрутила головой – «нет».

Домой Софья шла не спеша, направления на анализы, которые нужно сделать перед абортом, лежали у нее в сумке, но не о них она думала, а о том, что два года не была в отпуске,

мечтала уехать к морю, которое так любила. От поликлиники она решила не ехать домой на троллейбусе, а пройти пешком. Жара не смущала, ей всегда нравилось лето, каким бы знойным оно ни было. По улице шли несколько человек с розами и гвоздиками. Понятно было, что идут они к Покровскому монастырю, Софья встречала здесь таких людей каждый день, ей говорили, что цветы носят какой-то похороненной там блаженной. Люди пошли через арку ко входу в монастырь, она почему-то повернула за ними, но остановилась у ворот обители, за которыми начиналась площадь с видом на колокольню и два храма – высокий и низкий. Площадь была заполнена людьми, многие из которых стояли в очереди к иконе на стене старинного низкого храма. Мимо Софьи проходили десятки людей: мужчины, еще больше женщин, на ходу повязывавшие платки, рядом со взрослыми шли дети.

Прохожие иногда ее толкали, извинялись. Но Софья так ушла в себя, что перестала замечать людской поток. Думала о беременности, конечно, совсем ненужной, и не только потому, что не найти денег на воспитание ребенка, зарплаты редактора ей одной едва хватало. Но и потому, что это решение она приняла много лет назад – еще в детстве, когда умерла мама. Тогда уже, в одиннадцать лет, стало ясно как день: никогда она не захочет иметь детей, чтобы не оказались они брошенными, как получилось с нею. Дать жизнь ребенку, чтобы он мучился в этом мире? Ну уж нет! Пусть не узнает, что такое хоронить близких, бояться насилия, пережить предательство, голод, холод – полную беззащитность.

Хватит ее страданий, она заплатила сполна – решила Софья. До боли не хотелось представлять, что части ее тела – ребенку – может выпасть судьба с повторением ее страшного сиротства. Пусть он ничего не узнает, уйдет назад в счастливом неведении, не родится. Она не стала входить на территорию монастыря, развернулась и быстро пошла домой.

Когда Софья только начала открывать дверь квартиры ключом, сразу услышала, как заскулил от радости, запрыгал в комнату Рекс. Пока она шла по коридору, пес шумел всё громче и даже начал повизгивать, а стоило ей войти в комнату, едва от счастья не сбил ее с ног.

– Рекс, – гладила она овчарку, – тише-тише, перестань, – но он, облизав хозяйке руки, норовил облизать и лицо, – хватит. Соскучился? Неправда. Меня всего три часа не было. Я устала, пусти, немного полежу.

Софья легла на диван, Рекс уселся недалеко, не сводя с нее глаз.

– Иди сюда, дружок, – похлопала она по краешку дивана.

Пес подошел и, вздохнув совсем по-человечески, положил голову на место, по которому похлопала ладонью хозяйка. Она обняла его голову и прижала к себе.

– Ты такой мягкий, – погладила она его. – Кроме тебя никого у меня нет, – отодвинув собачью морду от себя, заглянула в собачьи глаза, – всё понимаешь. Да? Всё помнишь. Холод той зимой, если бы ты не согревал меня, замерзла бы. Как защищал меня, сколько раз спасал, никто так не жалел меня, как ты, хороший. Ты моя семья. Ненавижу людей, животные лучше. – Пес исхитрился и лизнул ее в нос.

Софья скривилась, вытерлась о подушку и рукой прижала его голову к дивану рядом с собой.

– Я посплю, ты охраняй меня, как всегда.

Настоящий сон в жару не приходил, навалилась духота тяжелой полудремой, через полчаса кофточка и брюки стали мокрыми от пота, пришлось подняться, открыть форточку и закрыть портьеры, но всё равно только после душа стало легче.

Рекс выпросил кусочек колбасы одного из бутербродов, когда Софья, голодная с самого утра, решила всё-таки перекусить.

– Больше не дам, – она строго посмотрела на пса, который печальными полными надежды глазами уставился на очередной бутерброд, – тебе вредно.

Обиженный пес ушел к себе на коврик.

Последнее время, думала она, существование было вполне сносным, постепенно появлялась привычка к покою, даже научилась раздеваться перед сном. Ну зачем, почему приключилась эта ненужная беременность? Зачем уж так без передышки издевалась над нею судьба? Снова стало грустно и больно. Софья сжала кулаки так, что ногти врезались в ладони, ей страстно захотелось, чтобы привязавшаяся, чужая, зародившаяся в ней жизнь исчезла без следа, оставила ее в покое. Конечно, другого выбора не было – нужно было делать аборт. Она не сомневалась в правильности решения.

Бутерброды закончились, она смахнула на руку крошки со стола и доела их. Вдруг ей вспомнилась мама, вернее, подумалось, что никогда не удастся достать из памяти ее образ. Представить – стройная мама была или полная, высокая или нет. Хотя Софье было почти одиннадцать лет, когда мать умерла, но почему-то внешность ее не запомнилась. Несколько фотографий, которые Софья взяла, когда ее забирал к себе отец, теперь были потеряны навсегда. Она забыла о маме всё, словно мозг стер, выжег любимый когда-то образ. Как мама могла бросить дочь одну в этом мире? Почему не остановило ее материнское сердце, не заставило жить от одной мысли, что ребенок погибнет без нее? Значит, мать в тот момент забыла о дочери, о ее существовании, о том, что они когда-то были одно целое и она выносила, родила маленькую девочку. Это отвратительное предательство, казалось, невозможно было простить.

Софья заметила, что у нее слегка дрожат руки – разыгрались нервы, но плакать она давно разучилась, может быть, потому, что в слезах есть нужда, когда их можно кому-то показывать,

иначе они бессмысленны. И никак не понять было – как же природа, вечная и мудрая, не почувствовала, что нельзя такому беспощадно одинокому человеку, как она, рожать ребенка. У нее самой не было сомнений: ее сломанная, иссушенная душа не могла вынести ответственности за ребенка, не могла дать ему в достатке любовь. Ей хотелось невозможного – немедленно остановить, прервать беременность, сразу, без унизительной операции. Одна мысль, что нужно пролить кровь, испытать боль, начинала сводить ее с ума.

Ближе к вечеру, когда в окно наконец начал дуть прохладный ветер и за стеклами облака сначала пожелтели, потом потемнели, в дверь комнаты постучали.

– Да, – отозвалась Софья.

В приоткрытую дверь заглянула ветхая соседка-старушка:

– Сонечка, ты в магазин не сходишь? У меня хлеб почти кончился, на завтрак не хватит.

– Сейчас схожу, бабушка Оля. А мы с тобой погуляем позже, – прикрикнула она на обрадовавшегося Рекса, готового выскочить в коридор.

Обиженный пес снова лег.

Из магазина с хлебом в пакете Софья шла снова мимо монастыря, уже закрытого для паломников, у арки рядом с тротуаром, сидя на большом одеяле, о чем-то говорили две женщины – богомолка в черном платье и светлом платке утешала плакавшую пожилую, но достаточно симпатичную даму в ярком платье. У монастыря всегда много собиралось попрошайек, их Софья видела часто, но женщины не были похожи на нищенок. Она пошла медленно и какое-то время рассматривала необычных собеседниц. Что-то тронуло ее в неизвестном горе плакавшей дамы, позволившей ей забыть о проходивших мимо людях, и в той нежности, с которой богомолка обнимала несчастную женщину. Неожиданно они обе, заметив Софью, замолчали и стали внимательно рассматривать ее. К этому моменту Софья уже поравнялась с ними, и богомолка в темных очках вдруг ласково улыбнулась:

– Здравствуй, милая! Посиди с нами.

Вторая женщина тоже сквозь слезы начала улыбаться.

Софья опешила, даже оглянулась, может, говорят кому-нибудь другому. Нет, полутемная улица была пуста. Нет-нет-нет – покрутила она резко головой в ответ на их предложение и, больше не смотря на женщин, быстро пошла, но почему-то не домой, а пройдя по длинному тротуару у дороги и мимо шлагбаума, оказалась у входа в монастырь, где сегодня уже была. Ворота были закрыты, она подняла голову и прочитала фразу сверху на арке – «...моли Бога о нас».

«Я всё равно сделаю аборт! – решительно обратилась она мысленно к кому-то неведомому в пространстве, но с полной уверенностью, что этот кто-то ее слышит. – Я не изменю решение никогда! Посмотри, у меня руки дрожат, – протянула она руки к воротам обители. – Не нужно требовать от меня слишком много. Сколько можно испытывать меня? Кому моя жизнь может быть по силам?»

Меня оставила мать, умерла, когда мне не было и одиннадцати лет. Что я понимала? Ничего, ничего не могла, даже плакать боялась. Отец увел меня к себе домой, к женщине, которой я была не нужна. Там было страшно, мне пришлось научиться молчать. Отец не знал, что со мной делать, он меня не знал, не воспитывал. Тогда я начала читать книги, у него была большая библиотека – с утра до вечера читала. А потом он заболел, мучился, страшно умирал, долго. Мне едва исполнилось шестнадцать лет. Снова похороны.

Она обвинила меня, что я украла деньги. Клянусь тебе, ничего не брала, ни копейки. Она сдала меня в милицию, они требовали вернуть деньги. Потом она выбросила мои вещи. Я ушла. Хорошо, что встретила Рекса – его тоже кто-то выкинул. Он моя семья. Единственная.

Послушай, – она прислонилась к воротам, – я тебе расскажу, хотя сама стараюсь забыть. Зимой в старой, брошенной палатке у озера было очень холодно, лето быстро кончилось, туристы разъехались по домам, мы с Рексом страшно мерзли. Он спасал меня, грел своим теплом.

Потом, когда начались настоящие морозы, нашла пустую дачу, поселились там, старалась – аккуратно убирала. Когда хозяева приезжали, мы с Рексом уходили. Они даже еду нам иногда оставляли. Тогда если бомж хорошо себя вел, с ним мирились, он вроде охранника жил, чтобы другие бродяги дачу не обворовали и не сожгли. Иногда мы с Рексом приезжали в Москву милостыню просить, нам подавали, собаку жалели больше, чем меня. Рекс защищал, чтобы деньги не отбирали другие бомжи. Я так его люблю, он лучше всех людей.

У меня нет сил, ты пойми, у меня не должно быть детей! Я умру от страха за них. Не требуй от меня материнства, отпусти, дай только покоя, хватит боли. Пойми, это мука, забери этого ребенка себе... Ну какая из меня мать? Давай договоримся. Я согласна на пустоту, ничего не попрошу, только не чувствовать больше боли!»

Софья оттолкнулась от закрытой двери и вдруг почувствовала, что глаза у нее мокрые. «Надо же, слезы», – удивилась она.

Когда Софья вновь вернулась к арке у дороги, женщины, сидевшие на одеяле, снова ей заулыбались, она медленно, приставным шагами подошла немного ближе к ним. Богомолка одобрительно покивала головой, Софья сделала еще несколько шагов и, уже не глядя на добрых женщин, наконец подошла вплотную к ним.

– Милая, посиди с нами. – Женщина в темном платье и белом платке показала на свободное место рядом с собой. – Отдохни немного, ишь, какая ты худенькая, бледная, воздух сегодня вечером чистый, полезно подышать.

Неожиданно для себя самой Софья не испугалась незнакомых людей, как случалось с ней обычно, и присела на краешек одеяла. Богомолка попыталась поправить длинные без челки темные волосы Софьи, которые, спадая длинными прядями, закрывали часть ее лица, а стоило ей опустить голову – полностью всё лицо. Может быть, женщина захотела прикоснуться к ней. Но Софья не позволила тронуть себя, резко отодвинулась в сторону. Богомолка не обиделась, улыбнулась еще радушнее:

– Посидим, поговорим о женском счастье и горе. Вера вот приехала к нам в гости с Дона, о сыне своем рассказывает, хороший был парень, добрый, светлый. Недавно забрал его Господь.

Вера, красавица-казачка – белолицая, моложавая, почти без морщин, с копной густых черных волос, явно знала себе цену. Но гордый взгляд казачки как-то сразу потух, стоило молитвеннице упомянуть о смерти ее сына.

– Так вот я говорю, он был такой ласковый, – продолжила Вера, наверно, давно начатый рассказ, – как он любил меня. Бывало, приезжаю к нему в интернат, а он голос только мой услышит, сбежит по лестнице, обнимает: «Мамочка, ты у меня самая красивая, самая лучшая. Все об этом говорят». Когда интернат закончил, на фабрику для слепых устроился. Первое время провожала его, потом выучил он дорогу, бывало, изведусь, пока он вернется после смены домой, понимаете, у него еще и падучая была. Это сейчас мобильные телефоны, а тогда сердце не на месте, переживаю, я ведь и сама работала, некому его встречать.

Муж к тому времени умер, туберкулез у него был, зачах. Каждый день беда, как за сыночка переживала, на десять минут позже придет домой, а меня уже трясет всю. Боялась, что с ним приступ случится. Сколько раз забирала его скорая из трамвая или с остановки. Бедный мой Сереженька, – склонилась она к коленям молитвенницы, которая обняла ее своими пухленькими ручками и зашептала молитву, подняв голову к небу.

Софья сидела не шевелясь, ее собственные несчастья невероятно, но словно покрыла пелена, убрав такую невыносимую остроту, чужое горе почему-то отодвинуло немного собственное, сочувствие страдающей матери в конкретный момент почему-то стало важнее.

– Рона, – подняла заплаканное лицо Вера, – я так виновата перед ним. Простил ли он меня? Никогда не признавалась ни людям, ни себе, а тебе покаюсь. Тяжело на душе.

– Перед Господом покайся, на исповедь тебе нужно пойти, – ласково посоветовала богомолка.

– Не могу, стыдно мне батюшке об этом говорить. Помолись обо мне, Рона! Не понимала, что делаю, как лучше хотела.

– Господь милостив, Он прощает грехи по слабости или заблуждению сделанные. Ты, Верочка, молись Ему, и я Его о тебе попрошу.

– Полюбил Сережа женщину, тоже плоховидящую, старше себя, с ребеночком – с дочкой, без жилья, в общежитии для слепых жила. Ребеночка она прижила от кого-то, замужем никогда не была. Они с сыном вместе работали, в одном цеху. И она его полюбила. Не могла я ему разрешить жениться, как, бывало, подумаю, как они будут жить, когда меня не станет, – аж сердце хватает. Оба больные. Слепые. А вдруг она его и не любит, а вдруг из-за квартиры замуж собралась. Думаю, пусть лучше женится на зрячей, насколько ему легче будет. Стала проверять, чтоб не встречался со своей слепенькой. А он меня всегда слушался, не хотел огорчать. Однажды пришла к ней в общежитие, а они там в комнате сидят, дверь открыта. На пороге стою, а они же меня не видят, а давно не встречались, соскучились, обнимаются, целуют друг друга, плачут. И я плачу. Сжала сердце, на своем настояла. Нашли ему зрячую женщину, только они с ней всего полгода прожили.

С годами загрустил он, выпивать начал, а тут еще закрыли фабрику для слепых. Но он подрабатывал – сетки вязал. Какой же он был добрый, Роночка, – казачка покачалась из стороны в сторону, – все его любили. Мы в трехэтажном доме живем, так он цветник во дворе каждое лето для всех сажал, за цветами ухаживал, поливал, лавочки смастерил. Никому слова плохого не сказал. Безотказный. Мужики-выпивохы угощали его, а ему же нельзя – приступы. Скорая в сумасшедший дом отвезет за город, а я больная, здоровая еду к нему. Они же там голодают.

– Помилуй нас, Господи, помоги страждущим, – снова принялась за молитву Рона.

– Да как же можно не кормить убогих? Баланду им дадут какую-то и по кусочку хлеба, а они хлебушка просят. Голодные. Сергею еду привезу, а в столовой обед ему не хотят давать – тебя мать покормила, а он товарищей хотел подкормить. Ой, сердце не выдерживает, – быстро задышала Вера, – но мне выговориться нужно, а то разорвет изнутри.

В какой-то момент Софье захотелось уйти, эта плачущая тетка с ее откровениями стала ей противна. Как она могла, зачем запретила сыну жениться, может быть, и погубила его этим... Но вот она рассказала о его цветнике, о сумасшедшем доме, и Софье снова стало ее жаль.

– Тяжко ему было в конце, – уже слегка осипшим голосом продолжала казачка, – две операции по урологии не помогли. Мучился. А всё обо мне волновался – как одна живу, кто мне помогает. Из больницы от него домой приду – смотрю на свою квартиру большую, богатую, ну и зачем она мне одной. Всю жизнь волновалась, что с Сережей после моей смерти будет, кто досмотрит его, чтоб не обидели его люди, он такой доверчивый был. С родственниками договорила заранее, чтобы, когда умру, сестра с племянниками за квартиру Сережу досмотрели.

Какое-то время все молчали. Казачка о чем-то на время задумалась. Сзади в монастыре на колокольне звякнули колокола. Машины по дороге совсем перестали ездить, в домах на другой стороне улицы меньше стало освещенных окон. Софье давно пора было возвращаться домой, с собакой нужно было погулять.

– Рона, – Вера будто проснулась, глаза у нее заблестели от возбуждения, – помолись о моем сыне! Пусть хотя бы у Господа будет ему хорошо!

– Ты, Верочка, не сомневайся, – покачала головой Рона, – о таких, как твой сын, у меня особо крепкие молитвы. Инвалиды, убогонькие... как ты говоришь, ведь я и сама такая. Знаю, как тяжело не видеть света белого, как люди бывают жестоки к слепым, даже к детям. Буду молиться об упокоении раба Божьего Сергея, и ты молись, не смей руки опускать. Только Господь нам судья. Кайся в грехах. И я о тебе помолюсь Господу нашему Иисусу Христу и Матери

Его Пресвятой Богородице. Она уж точно поймет тебя и пожалеет. Сама Пречистая хоронила Сына, кто, как не Она, поймет, каково тебе сейчас. И Сереженьку твоего Она пожалеет.

– Тяжело как, Рона, извелась я вся, ни спать спокойно, ни есть не могу. Смотрю на Сережин портрет и мучаю себя. Женился бы он, как хотел, внушка бы у меня сейчас была и невестка. Девочку бы вырастила – родной бы стала. Всё понимаю. А изменить ничего нельзя. В станице у нас говорили – локти будешь кусать. Кусаю... Мне бабушка пеняла – гордая ты! Наплачешься. – Казачка выпрямила спину, отбросила за плечо тяжелые волосы, несмотря на слезы, лицо ее не опухло, а осталось красивым, белым, как у античной статуи, глаза, темные, теплые, большие, как сливы, в густых ресницах, обрамленные сверху черными бровями, в полутьме блестели.

«Прямо шолоховская Аксинья, – с восхищением подумала Софья – красавица, а так несчастна».

Вера вдруг пристально посмотрела на Софью:

– Как зовут тебя, девушка?

– Софья.

– А дети у тебя есть?

– Нет.

– Хорошее имя, София, – одобрила Рона. – София – так Премудрость Божию называют.

– Ты слушай меня, девочка, – казачка повела плечами, подняла гордую голову, – родишь ребенка, вспомни меня, когда воспитывать будешь и судьбу его захочешь решать. Смотри внимательно на мои слезы. Нечем мне хвастаться, дуре старой. С молитвы нужно было жизнь начинать, а я ею заканчиваю. Время такое было, что даже церкви в станице не было, а бабушку верующую не слушала, хорошо хоть крестили меня младенцем. А у тебя может жизнь нормальной быть.

«Если бы рассказать этой женщине, какая “нормальная” у меня жизнь», – с горечью подумала Софья, но не смогла говорить, не захотела.

– А ты не думай о том, что случилось у тебя в жизни раньше, – будто прочитала ее мысли казачка, Софья даже вздрогнула от ее слов, – рожай детей, если получится, и побольше. Ничего важнее детей в этом мире нет! Могла бы, сейчас бы родила.

– Мне пора, до свиданья, – поднялась Софья, поправляя в пакете хлеб, – спасибо, приятно было познакомиться, – пятилась она по тротуару.

– До свиданья, – кивнула Вера.

– Ты приходи ко мне, – улыбнулась Рона, – буду ждать тебя, раба Божья София. Не сомневайся, войди в монастырский храм, поставь свечу.

Софья автоматически покивала в ответ, хотя сама не знала, зайдет ли на территорию монастыря или нечего ей там делать.

В квартире приятно пахло едой. Соседка жарила на кухне оладьи.

– Там батон? – кивнула старушка на пакет в руках Софьи. – Сейчас деньги принесу, – начала она вытирать руки о передник.

– Ольга Петровна, не нужно денег, вы постоянно меня чем-то подкармливаете.

– Бабушка Оля... сколько раз прошу тебя, Сонечка, не нужно по отчеству, – поправила ее старушка. – Тогда, деточка, будем оладушки кушать, с чаем, у меня еще и мед остался.

– Я, в общем-то, не голодная, – присела на табурет у своего стола Софья, – но очень устала, день получился длинный, засыпаю. А мне еще с Рексом погулять нужно.

– Подождет твой Рекс. – Бабушка уже налила чай в чашки и торжественно поставила банку с медом посреди стола. – Присаживайся! Прямо сердце болит на тебя смотреть, худущая, бледная. В тебе хоть пятьдесят килограмм веса есть?

– Есть, – виновато улыбнулась Софья, – вешу почти пятьдесят четыре кило.

– Тоже мне вес, – возмутилась старушка, намазывая желтым медом круглый оладик, попробовала его и одобрила, – ешь, хорошие получились. Может, со сметаной хочешь?

И хоть Софья не ответила, бабушка из холодильника принесла сметану. Оладьи правда оказались вкусные, но чай долго не остывал. Соседка уже успела рассказать все свои нехитрые новости: что ей приснился ночью покойный муж – это к перемене погоды покойники снятся, как она долго не засыпала, а среди ночи проснулась и не могла снова заснуть, днем же кто-то из соседей снова противно сверлил дрелью, племянница позвонила, жара замучила, к вечеру кружилась голова, а вот сейчас, когда стало прохладней, даже смогла у плиты готовить...

На тарелке осталось несколько оладиков, съесть их у обеих женщин не хватило сил, а вот остывший чай Софья допивала с удовольствием, небольшими глотками.

– Эти ждут моей смерти, – кивнула старушка на заброшенный пыльный стол – третий на кухне, – две комнаты купили, не станет меня – мои родственники комнаты сразу им продадут. Но пока я жива, Сонечка, не волнуйся, никуда отсюда не уеду, как бы меня ни уговаривали. Таганка – мой район, выросла здесь, всю жизнь прожила, никуда отсюда не перееду. Ишь, мода пошла – коммуналки скупать, большие квартиры делать. В доме почти не осталось старых жильцов.

– Спасибо, что сдали комнату нам с Рексом, с большой собакой проблема найти жилье.

– Да он хорошая собака, умная, не гавкающая. Ты уже иди, погуляй с ним. Заждался, верно, тебя.

– Бабушка Оля, простите, я никогда не спрашивала, – пошла к раковине и начала мыть чашки Софья. – А дети у вас с мужем были? Простите, что спрашиваю.

– Деточка, ничего, уже отболело. Выкидыш был, не выносила, после войны тяжело работала, не сохранила. Если бы у меня дети были, разве я так бы жила. У меня внуки выросли бы уже, наверно, почти твои ровесники. Сонечка, ты пока не понимаешь, но страшнее одиночества в старости ничего нет. Не стало мужа, и ведь никому я не нужна, у сестры и племянников своя жизнь. Замуж тебе пора, Сонечка.

– Не нужен мне никто!

– Ах, какая ты еще глупая. Вроде выросла, а думаешь, как ребенок. Ладно, иди гуляй своего Рекса.

Рекс на длинном поводке в скверике обнюхивал деревья, носился по газону, ожидая, когда они с Софьей отойдут подальше от дороги, и хозяйка отпустит его на свободу – набегаться перед ночью всласть.

Надо же, думала Софья, сегодняшние ее собеседницы как сговорились – пугали ее одиночеством и боготворили детей. Может, и она бы сама боялась остаться одна, если бы у нее случилась обычная жизнь. Но у нее всё наоборот – люди, появляясь рядом, только делали больно. А одиночество приносило покой. Женщины с нежностью говорят о детях. Но она сама, любит ли она детей? Нет, не так, относится ли к ним хоть как-нибудь? Наверное, она забыла совсем об их существовании. Не было у нее никогда маленьких сестер, братьев, племянников, друзей с детьми. Какое могло быть отношение к чужим маленьким людям – никакого, не замечала их, и всё. В одиннадцать лет с наступлением сиротства ей пришлось то ли резко повзрослеть, то ли навсегда остаться ребенком. Какой из этих двух сценариев с ней случился, не понять, такое невозможно узнать, находясь внутри истории, решила Софья.

Несколько раз Софья делала попытку остановить Рекса, но он, почувствовав свободу без поводка, носился, упорно не обращая внимания на ее команды. Только когда в голосе хозяйки прозвучало уже настоящее раздражение, пес неохотно подошел и позволил взять себя на поводок.

Но у дороги Софья повернула не к дому, а к монастырю. Красная обитель, раскрашенная художественным светом, смотрелась красивой, как на картине. Желтыми яркими огнями сияла

высокая колокольня, в таком же солнечно-веселом цвете рядом с ней купались купола двух храмов, ряды фонарей на мощной ограде высвечивали из темноты бордовые треугольники, делая крепостную стену загадочной. Церковный городок ночью расцвел, как главное украшение окружающих его кварталов.

У арки по-прежнему сидела богомолка в темном, уже одна, несчастной казачки Веры больше рядом с нею не было. Рона то что-то раскладывала перед собой на одеяле, то вновь брала в руки.

Рекс не хотел стоять на месте, он натягивал поводок, но Софье хотелось рассмотреть, чем занята молитвенница, и она строго прикрикнула на пса, который неохотно выполнил команду – остановился у ее ноги.

Чтобы рассмотреть Рону, пришлось подойти к самому краю тротуара, потом спуститься на дорогу. И только тогда стало понятно: богомолка занята какими-то палочками, шепчет над ними свои молитвы, ломает их с силой, прижимает к себе. Это казалось таким странным, необъяснимым. Софья подумала, что совсем не понимает эту добрую женщину, почему она сидит здесь у монастыря даже ночью, почему так преданно готова молиться о чужих для нее людях? Неужели у нее нет своей жизни, неужели для нее важнее судьба случайно встреченной казачки? Рекс уже зубами тянул поводок, заглядывая Софье в глаза, нужно было идти домой, он был прав.

В квартире было тихо, бабушка Оля уже спала. Уставший Рекс сам без напоминания отправился к себе на подстилку. Софья, не разбирая диван и не раздевшись, взбив подушку, сразу легла, но сон не приходил. Воспоминания об ее импровизированной исповеди у ворот монастыря крутились в голове, потом слова Роны о том, что нужно поставить свечку. О чем ставить свечку? Ей всегда казалось, что свечки обычно ставят в благодарность кому-нибудь за что-то очень важное. И она вспомнила, нашла в памяти человека, который, по ее мнению, достоин был такой огненной признательности. Целый год она жила на улице, начала привыкать к бездомному состоянию, научилась не говорить с людьми, прятаться в минуты страха, да и опасность чувствовала не хуже Рекса, нюхом, спиной – обостренной интуицией. Только воспоминания об отцовской библиотеке оставались связью с обычным человеческим миром.

Однажды летом нашла институт, где учили людей делать те самые книги, которые даже в бездомье она умудрялась находить и читать. Этот институт был для нее мечтой нормальной жизни, когда еще не умер отец. Она пришла в институт потому, что стала бояться: еще немного – и от ее души из-за жизни на улице ничего не останется.

Во дворе института Владимир подошел к ней сам, безошибочно почувствовав, что ей нужна помощь. Потребовал – говори! Рассказывай! Она запаниковала, сначала думала убежать, но он был такой красивый, как витязь из русской сказки. Стать, аккуратная борода, светлые глаза, красивое лицо. Софья сама не поняла, как ему доверилась – рассказала всё – о сиротстве, жизни на улице, холоде, голоде, как однажды били бомжи и удары на себя старался принимать Рекс.

Оказалось, что у «витязя» есть любимая семья – дочь и жена, он преподаватель, кандидат наук, редактор известного журнала. Что ему, казалось, было до ее одиночества и беды? Она и за сочувствие могла его бесконечно благодарить, но он сразу взял ее в оборот. Через неделю Софья жила в общежитии, как сотрудница института, волшебник пристроил ее на кафедру секретарем, а через год снова началась нормальная жизнь – экзамены по общему образованию экстерном, поступление в вуз, учеба, профессия, работа редактором. Как бы она могла сейчас постоянно говорить ему спасибо и верить, как отцу. Он дал бы ей самый верный совет с беременностью, и Софья бы его послушалась беспрекословно. Но, наверное, в ее жизни не вся череда потерь была исчерпана. Софья еще училась в институте, когда неожиданно, невозможно внезапно умер Владимир. В вагоне метро его настиг сердечный приступ, слишком горячее сердце, болевшее за окружающих людей и несовершенный мир, не выдержало.

Софья четко вспомнила, что Владимир был православным, несколько раз предлагал ей пойти с ним в церковь, но она находила повод, чтобы этого избежать. И вот теперь она поняла: Рона права, ей нужно зайти в монастырь, ей есть кого благодарить в церкви у икон – Владимира. Может быть, подумала она совсем невероятное, он сможет снова ей как-нибудь помочь, дать какой-то знак, что ли.

Глава 3

Две недели, данные Евгению врачом на размышление, таяли быстро. Обычная жизнь – работа, дом, вечеринки с друзьями – теперь вызывала в его душе яркий отклик. Любое действие становилось важным, любая мелочь – значимой. Никто не знал о болезни, это давало ему спокойствие, время на то, чтобы обдумать, как себя вести, если тайное станет явным. Даже случавшиеся споры, даже откровенная грубость людей больше не приносили прежних обид, перестали восприниматься остро. Прощать стало легко, вещи, раньше считавшиеся глобальными, суперважными, начали казаться незначительными.

Время шло, но главный для себя вопрос Евгений так и не мог решить. Стоило ли ему соглашаться на операцию? Начать иступленно бороться с болезнью, сделав смыслом жизни здоровье. Животный страх перед смертью всегда имел для него отвратительный налет трусости, коренившейся в эгоизме. До такого опускаться не хотелось, но и достойно умереть вовсе не значило бессильно плыть по течению. Предположим, он вступит в страшную затяжную борьбу, потратит на нее все наличные силы, ну и что? Выиграет уже другой человек – измотанный, измучивший родных и всех, кто окажется рядом. Проиграет тоже другой – ослабленный, теряющий привычный образ, испуганный предстоящей развязкой. Самое же главное, что не давало ему покоя, – для чего нужно во что бы то ни стало выжить? Борьба должна была стоить того, чтобы за нее пришлось умереть. Вернее, не смерть или здоровье имели право стать смыслом жизни. Только захватывавшая всё существование цель могла обеспечить силы на долгое сражение.

Евгений понимал, как ожесточенно бьется с болезнью мама, ради детей – ради них с братом. Одержимые талантом люди полуживые готовы отдаваться работе. Некоторых держат на земле высокие мечты. А у него не было ответа на вопрос: лично ему для чего нужна жизнь? Евгений всегда не любил разговоры о высоких материях, но тут его мучили именно философские рассуждения о смысле существования. Ему точно нужно было знать: для чего вообще дана человеку жизнь? Без ответа на этот важнейший вопрос двигаться дальше не получалось.

В клинику на встречу с доктором Евгению пришлось всё-таки пойти через неделю, после того как позвонила медсестра, сообщив время приема. Но перед встречей с доктором он вдруг почувствовал: врач ему неприятен, непонятно почему, ничем симпатичный эскулап его не обидел, напротив, до этого момента всячески старался помочь.

– Здравствуйте, проходите. Как себя чувствуете? Жалобы есть? – Врач доброжелательно засыпал Евгения вопросами.

– Здравствуйте, Юрий Сергеевич. Жалоб нет, никаких. Разве что плохо сплю.

– Я назначу успокоительный препарат. И перед операцией нужно еще сдать дополнительно анализы. – Врач потянулся к бланкам.

– Доктор, – остановил его Евгений, – а были случаи, что люди отказывались от операции?

– Что? – не понял тот. – Хирургическое вмешательство невозможно на последних стадиях, если, увы, нельзя пациенту помочь...

– Да не об этом разговор, – он снова перебил врача. – Можно ведь и отказаться от лечения.

– Зачем? Это самоубийство! У вас отличный прогноз, очень высокая степень вероятности практически выздороветь. Не нужно паниковать! Понимаю, что адаптироваться к такому диагнозу трудно, но, поверьте, возможно. Безусловно, для лечения нужно мужество, терпение. Но я вижу, они вам присущи. Если у вас есть сомнения, давайте я дам выписку из истории болезни, могу и результаты анализов, хотя не имею права это делать. Пойдите к любому онкологу на консультацию, он подтвердит мой диагноз и будет тоже настаивать на операции!

– Думаете, я боюсь? – Евгений пристально посмотрел в лицо доктора. – Разве похоже, что я нервничаю?

– Тогда о чем мы говорим? – Врач тоже успокоился, откинулся на спинку кресла, поправил вспотевшие и упавшие на лоб волосы, налил себе из бутылки в стакан минеральной воды. – Когда закончится эта жара? Хотите воды?

– Не хочу! А говорю, наверно, о смысле жизни. Мне кажется, вы хороший человек. Ответьте на два моих вопроса: ради чего вы лично живете и наш мир стоит ли того, чтобы бороться за право остаться его частью?

– Как вы серьезно подходите к лечению. Не обижайтесь, я не шучу. В Бога, знаете ли, верю. Воцерковлен. И согласен с вами в том, что душу человеческую нужно в первую очередь лечить, тело во вторую. Ваши слова, в общем-то, об этом. Меня духовник благословил еще в институте стать именно онкологом. Большое страдание принимает каждый онкологический больной, не только телесное, но и душа страдает. Вы, наверное, тоже спрашивали себя – за что? Я бы в первую очередь лечился ради семьи – у меня жена и четверо детей. А мир... Он разный, люди в нем разные. Только Господь знает, какой у нас мир. Каждый из нас только за себя перед Богом в ответе.

– Бог знает, какой у нас мир? А может быть, наш мир уже достиг дна? Ну, пусть не всё человечество, а этот город. – Евгений показал пальцем в окно кабинета на Москву. – Город, в котором жил Лот, современниками не считался конченным. Жил город весело. Привык к греху. А в нем не нашлось и десяти праведников. В Москве найдутся праведники?

– Сложный вопрос... Может быть, мы их просто не знаем.

– А вы праведник? – неожиданно прямо спросил Евгений.

– Нет! – не задумываясь, отрезал Юрий Сергеевич. – Нет, у меня четверо детей, маленькая зарплата, полторы ставки, дежурства. Жена тоже врач, живем с детьми в одной комнате в общежитии. Тяжело, знаете ли, иногда обидно. Больные разные встречаются. Иные требуют, не угодишь, жалуются, сами в бриллиантах, на машинах, а ты как нищий. Какой из меня праведник?

– Вот-вот, и я об этом, мы все в этом городе повязаны – терпим грехи других, заражаемся ими! Закрываем глаза на преступления, поэтому становимся соучастниками. Это как эпидемия!

– Преступления – это слишком! – возмутился врач. – В конце концов, в городе есть священники, монахи, альтруисты-ученые, бесребреники музыканты и поэты, настоящие учителя и другие хорошие люди, среди которых точно можно найти праведников!

В кабинет заглянула молоденькая медсестра:

– Доктор, больше пациентов нет. Можно мне домой пойти?

– Идите, Лидочка.

– Юрий Сергеевич, пора домой, – поднялся Евгений, – вас, наверное, семья заждалась.

– Вот рецепт, – врач быстро исписал бумажку, – тут написано, как это успокоительное средство принимать. Впереди выходные, отдохните и возвращайтесь. Нужно готовиться к операции!!

Дома Евгений достал из шкафа большую тяжелую книгу – Библию, полный текст – Ветхий и Новый Завет с Деяниями апостолов и их посланиями. Долго ее листал, никак не мог найти нужный фрагмент. Ветхий Завет всегда казался ему сложным и запутанным, отдельные события для него плохо складывались в общее повествование. В свое время он с трудом осилил эту часть Библии. По непонятной причине ему из всего Ветхого Завета лучше всего запомнилась притча о Лоте, она осталась в памяти яркими образами. Единственный праведник среди жителей двух грешных городов. Как этот человек умудрился сохраниться в чистоте, когда все вокруг грех приняли за норму, откуда у него такая невероятная сила духа была?

Сейчас Евгений внимательно, медленно, по одному слову снова перечитал притчу о Лоте. Остро прочувствовал великую трагедию в напряженном разговоре трех ангелов с Авраамом, которому так хотелось, чтобы в безумно грешных городах, которые Господь готовился испепелить, нашлись бы праведники, пусть только несколько человек, благодаря которым и остальных людей Бог бы помиловал. Как Евгений его сейчас понимал! Безгрешный и преданный Авраам рисковал, может быть, он впервые спорил с Создателем. Никогда до этого не позволял себе усомниться в решениях Бога, а тут посмел три раза просить ангелов – посмотреть внимательно, а вдруг ошибка, и есть в этих городах хоть несколько человек, способных стать спасением для остальных людей. Испытание выдержал только Лот, ради которого ангелы готовы были сохранить его семью, но не весь город. Евгений еще раз перечитал притчу, но не понял из скупого текста, каким именно человеком был таинственный Лот, как он жил, работал, воспитывал детей, как терпел гнилой мир вокруг себя, как смог стать праведником – об этом в Библии не написали.

С балкона вновь потянуло гарью, как проклятием серы, так пахли в притче о Лоте развалины уничтоженных Богом городов, когда после ночи расплаты за мерзкие грехи к этим пожарищам со слезами пришел печальный Авраам.

Евгений не стал прятаться от смога, закрывать окна и балконную дверь, наоборот, вышел на балкон. Заползавший в Москву дым только подтверждал мысли о том, что уничтожавшие мир своими грехами люди заслуживают проклятия. Подобно остальным мерзостям и пожары в лесах были делом человеческих рук. Теперь стало важно одно – оставалось выяснить, есть ли в этом огромном мегаполисе-городе хотя бы несколько праведников? И только тогда шанс спастись у этого места оставался. В противном случае – всё было кончено, сколько ни плачь, дальше город ждала только гибель. Всех людей, и в том числе его самого, ждет уничтожение, потому что он, как и остальные, не разгадал тайну Лота.

Он решил завтра отправиться на охоту, на разведку, ему нужны были праведники, их выстраданные истины. Нужно было посмотреть им в глаза и постараться выяснить, где предел возможного зла, как они остановили его, оградил себя от проклятия?

Первым Евгений решил навестить своего институтского преподавателя, блестящего математика, которого обожали студенты. Лекции по высшей математике в его исполнении собирали переполненные аудитории. Кроме того, профессор был для студентов образцом ученого, его уважали, к его толковым советам прислушивались, на последней лекции их курса ему устроили овации. С мудрого старого ученого, по общему мнению, абсолютно порядочного человека, решил начать свои изыскания Евгений.

Университет, наполненный веселыми, шальными студентами и абитуриентами, ностальгически напомнил ему собственные годы учебы, время счастья, юношеской дружбы, романтики, любви. Был ли он тогда лучше, чище, чем сейчас, думал Евгений, разглядывая весело болтавших, смеявшихся парней и девушек, пока еще не задающих себе сложных вопросов. Он чувствовал, готов позавидовать им, если бы только беспечность молодости не означала пустоту, в которую с легкостью входят любые грехи.

Остановившись перед кабинетом профессора, которого все годы после окончания университета изредка навещал, он задумался, впервые ему тяжело было войти в эту комнату, а вдруг его ждало разочарование.

Наконец Евгений решительно толкнул дверь.

Профессор был искренне рад:

– Молодец, что пришел. Присаживайся. Рассказывай, как дела? В аспирантуру не хочешь поступать? Не передумал?

– Мне уже поздно.

– Вовсе не поздно! Ты лучшим был на курсе. Сейчас, мне говорили, фирма твоя процветает.

– Обычная фирма, делаем программное обеспечение, сайты. Деньги небольшие, но прибыль есть.

«Постарел, – подумал с болью Евгений, – седина раньше была только на висках, теперь уже вся шевелюра седая, даже брови, держится молодцом, но глаза печальные».

– Профессор, вы всегда для нас были не только преподавателем, но и старшим другом. Талантливых ребят вы спасали от несправедливого отчисления. Многим студентам помогали выжить в трудные дни. Вы для меня пример мужества, мудрости и порядочности.

– Стоп! – рассмеялся профессор. – Что за пафос? Ты меня что, в святые записываешь?

– Нет, я считаю вас праведником. – Евгений ответил совершенно серьезно и даже торжественно, так, что его собеседник сразу перестал улыбаться.

– Это ты меня плохо знаешь... – Тот попытался по инерции отшутиться, но, всмотревшись в строгие, тревожные глаза бывшего ученика, запнулся на полуслове. – Ты серьезно?

– Абсолютно. Вы один из лучших людей, которых я встречал в жизни.

– Так... – профессор был явно озадачен, – даже не знаю, что сказать... Праведник? Ты предлагаешь мне сейчас прямо в этом кабинете самого себя судить? Нет, мальчик, – покрутил он головой, – я не праведник. И, уволь, исповедоваться перед тобой не стану. Поверь на слово. Есть у меня грешки, которые стыдно вспомнить. Жизнь прошла в советской науке. Совесть у меня не всегда была чиста...

– Простите, – поднялся Евгений, – я вас уважаю, не было в планах вас обидеть.

– Постой, но почему такой странный вопрос – праведник или нет?

– Почему странный? Вот в Библии даже в Содоме и Гоморре нашли праведного Лота. А как же наша пропитанная гарью столица? Здесь даже спросить о праведности нельзя? Даже простой поиск праведника непонятен?

– Не знаю... Только это не ко мне. Я скажу тебе честно – мне приходилось предавать людей, пусть даже простым молчанием. Прости, что разочаровал. В оправдание могу сказать – каюсь.

– Это вы меня простите.

– Ты серьезно намерен искать в нашем городе праведников?

– Да!

– Послушай, не знаю, для чего они тебе нужны, только, если найдешь, расскажи мне.

– Хорошо.

– И знаешь что, поверь мне на слово, не ищи среди ученых, в науке среди нашего брата в Москве праведник не выживет.

Евгений кивнул. Держась за ручку двери, он с грустью окинул взглядом расстроенного профессора, его заваленный научным важным хламом кабинет, скверик университета в окне и подумал, что зря побеспокоил хорошего человека.

На улице настроение у Евгения совсем испортилось, ему показалось, что искать праведников в Москве необычайно глупо. Он думал: «Господи, откуда здесь возьмутся безгрешные люди, когда каждый живет только для себя». На проспекте, по которому он шел, рекламные плакаты в ряд у дороги смотрелись символами времени, полуголые девицы на них и самоуверенные щёголи все как один призывали что-то покупать. Будто в городе уже не осталось иной заботы, кроме торговли. Ничего не могло это время знать о праведной жизни, оно умело только продавать.

Он вдруг ясно представил, как идет по городу и заходит в переполненные магазины, клубы, рестораны, да в те же театры, музеи, школы и спрашивает каждого встречного – не Лот ли он? Будут ли люди весело смеяться ему в лицо или сразу вызовут скорую, посчитав его сумасшедшим? Нет, так прямолинейно не стоило поступать. Но и остановить свои только что

начатые поиски на полпути Евгений не хотел, нужно же было кому-то разгадать тайну Лота, и тут он увидел купола храма. Это стало для него подсказкой.

В момент ему показалось совершенно понятным, что нужно просить помощи у священников. Они лучше других знают тайны людей, к ним приходят исповедоваться. Встречаются, может быть, среди тех, кто кается в грехах, и праведники.

В полутемной старинной церкви, кроме продавщицы в свечном магазинчике, никого не было. Евгений перекрестился на золотой иконостас.

– Здравствуйте, – он вежливо обратил на себя внимание, – мне бы со священником поговорить.

– Ну, не знаю, – недовольно скривилась женщина, – батюшка отдыхает перед вечерней службой, приходите лучше завтра на утренюю, после службы подождите, если треб не будет...

– Послушайте, мне очень нужно сегодня.

– Ладно уж, – смягчилась женщина, – попробую. Но будить не буду. Если не спит, спрошу. Понимать должны, что он тоже человек. Немолодой. Устает. Ноги больные, – побурчала она для порядка.

Женщина неторопливо направилась к небольшой, в две третьих человеческого роста двери рядом со своим магазинчиком, за которой начинались ступеньки вниз. Наклонившись, чтобы не зацепиться о дверной проем, она с трудом начала спускаться, ей, наверное, мешал лишний вес. Евгений уже пожалел, что пришел в храм. Эта недоброжелательная тетка явно была ему не рада, скорее всего, и отдохавший священник, которого она, может быть, разбу-

дит, разозлится в ответ на его вопросы, посчитает их блажью. У священника служба, расписан каждый день, а тут какие-то праведники, какой-то Лот. Захотелось поскорее уйти.

Но женщина вернулась достаточно быстро.

– Повезло вам, – она скривила губы в подобие улыбки, – батюшка сейчас придет. Ждите.

Пыхтя и с трудом поднимая ноги на ступеньки, вскоре протиснулся в маленькую дверь и сам заспанный батюшка – полный, огромный, с кучерявой бородой, спутавшейся с мохнатой шевелюрой. Черный подрясник на нем был сильно помят, а на ногах оказались надеты смешные резиновые шлепанцы, скорее подходившие для пляжа.

Священник зевнул и вопросительно посмотрел на Евгения. Тот же совсем растерялся, рассматривая странного «отца Карабаса-Барабаса».

– Ну, говорите, что вам нужно, – не выдержав, шикнула женщина из-за прилавка свечной лавки, уже покрасневшая от нетерпения.

– Анастасия, – укоризненно покачал головой батюшка, – Господь с тобою! Жарко, – пожаловался он Евгению, – а пойдете-ка, молодой человек, на лавочке под деревьями посидим.

Они вышли во двор и сели в тени у каких-то зеленых кустов и клумб с розами рядом с детской площадкой, которую почему-то построили в ограде храма, впрочем, она была пуста. Церковь находилась далеко от дороги, поэтому тишине вокруг мешали только щебетавшие воробьи, прятавшиеся в кустах, наверное, от жары.

– Хорошо тут у вас, – с комплимента начал разговор Евгений.

– Я отец Виктор. А тебя как величать? – добродушно улыбнулся священник.

– Евгений. Жень.

– Говори. Слушаю тебя, Евгений-Женя, – повернулся батюшка в пол-оборота к собеседнику.

– Почему-то я вас боюсь, – честно ответил тот. – Понимаю умом, ну спрошу о том, зачем пришел, не ответите или отругаете, уйду. Но боюсь.

– Спрашивай! – Глаза священника светились добротой. – Не съем тебя.

– Понимаете, – начал Евгений нерешительно, – я хочу найти в Москве праведников, хотя бы несколько...

– Ух ты... – почти присвистнул батюшка. – И как успехи?

– Пока не получается, не нашел. Вот пришел к вам, люди разные приходят в церковь, они тут исповедуются. Я подумал, что они рассказывают здесь свои тайны, делятся с Богом секретами, а вы слушаете и можете мне сказать – часто ли встречаете среди них праведников? Был ли хоть один среди них безгрешный человек? Даю слово, я вам поверю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.